

Дата

– В годы юности весёлой я был мальчиком читающим и часто ходил в библиотеку, где находил самые интересные журналы того времени от «Нового мира» до «Октября». И так вышло, что в некотором смысле стал конкурентом Бориса Александровича Ручьёва, который ходил в библиотеку с той же целью, – рассказывает Виктор Петрович Котлов, долгие годы проработавший в городском краеведческом музее. – Заведующим залом был Александр Лаптев, человек поэтического склада, так что атмосфера там царил удивительная. Помню, что Ручьёв при ходьбе тяжело опирался на палку. Мне он казался очень взрослым человеком, хотя на тот момент ему было чуть больше пятидесяти. Я знал, что он поэт, но его стихами не зачитывался, меня интересовали другие авторы. Поражала внутренняя интеллигентность Бориса Александровича, его редчайшая порядочность. Как правило, он сидел в читальном зале и всегда приветствовал меня, мальчишку, приподнимаясь с кресла. Хотя было заметно, что это даётся ему с трудом. У людей того времени существовало представление о том, как должен вести себя воспитанный человек. А вот мне не всегда хватало интеллигентности уступить ему журнал...

С журналом «Октябрь» у Бориса Ручьёва и его друга Михаила Люгарина была связана давняя история. Осенью 1930 года они приехали из станицы Звериноголовской в Москву. Двадцатидвухлетний Михаил тогда ещё Заболотный имел справку от сельсовета, удостоверяющую, что он поэт и приехал в столицу «для издания полного собрания сочинений в 12 томах». Второй – семнадцатилетний Борис Кривощёков

Вечные друзья

В июне родились знаковые для Магнитки поэты Борис Ручьёв и Михаил Люгарин

Борис Ручьёв и Михаил Люгарин с жёнами

хотел узнать, что скажут в Москве о его поэтических возможностях. Они отправились в редакцию журнала «Октябрь», где их встретил поэт Николай Полетаев. Стихи похвалил, но к печати не принял. Молодые поэты были огорчены, но полны решимости идти до конца. Они даже не предполагали, какая судьба им уготована и сколько испытаний придётся пройти на пути к известности и славе. Оба будут арестованы и приговорены к длительным срокам заключения, а после освобождения, помотавшись по стране, вернуться в город своей юности.

– Ручьёв и другие поэты «из тридцатых» верили, что строили правильное государство, а всё произошедшее с ними считали ошибкой, – отмечает Виктор Котлов. – В годы перестройки в прессе появлялись отрицательные статьи о Ручьёве, но их авторы не понимали, что он человек своей эпохи.

Он не дал себя искривить, сломать и остался верен своим убеждениям. . .

В городе ходило немало легенд о том, почему Ручьёв оказался в местах не столь отдалённых, вспоминает Виктор Петрович. В то время было модно демонстрировать пренебрежение к материальным ценностям. И молодые, дерзкие поэты не были исключением. Говорят, что однажды Ручьёв, находясь под градусом, разбросал и растоптал денежные купюры с изображением вождя, основателя пролетарского государства Владимира Ленина. Кто-то заметил и сообщил куда следует. Ну а дальше – арест, суд и якутский Оймякон.

– Человек, написавший донос, прожил долгую и благополучную жизнь, стал кандидатом наук, – отмечает Виктор Котлов. – Текст доноса был опубликован в газетах,

и много лет спустя этот человек ездил по библиотекам, штудировал старые подшивки и вырезал свои статьи, чтобы скрыть причастность к аресту Ручьёва. Но, думаю, дело было вовсе не в деньгах. Режиму нужны были угодливые, удобные поэты, а те, первые, верили самостоятельно, а не по приказу...

В начале 1960 годов Ручьёвым ещё только начинали гордиться, вспоминает Виктор Петрович. В 1956 году он был реабилитирован. В 1957-м направил на имя председателя Союза писателей СССР А. Суркова заявление на восстановление своего писательского билета, и после того, как его просьба была удовлетворена, вернулся в Магнитогорск. В 1967-м за цикл стихов «Красное солнышко» и поэму «Любава» был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького. В 1969-м Борис Ручьёв стал шестым обладателем звания «Почётный гражданин Магнитогорска».

Ему дали хорошую квартиру, но относились настороженно. Страна понемногу отходила от сталинского бетона, но ситуация могла измениться в любую минуту, новый руководитель государства Никита Хрущёв давал к этому разные поводы. Тогда были популярны не поэты тридцатых годов, имена которых только открывали для широкой общественности, а «поэты стадионов» – Евтушенко, Рождественский, Вознесенский, Окуджава. Язык молодых поэтов был более понятным новому поколению, но уважение перед трагизмом биографии взрослых поэтов было велико.

Михаил Люгарин, отсидев два срока, был реабилитирован в 1956 году, в Магнитку переехал в 1970-м. Занимался литературным творчеством, выступал в трудовых коллективах по линии общества «Знание». Несколькими годами ранее вышел его первый сборник «Возвращение к незабудкам», который Люгарин посвятил «Вечному другу – брату поэту Борису Александровичу Ручьёву». Стихи Люгарина отличались искренностью и лиризмом, что отметил

ещё Демьян Бедный, приехавший на Магнитострой в 1931 году. «Вы наша смена и должны нас перерастать, – обратился он тогда к молодым поэтам и писателям. – Среди вас есть действительно талантливые люди, которые создадут настоящую пролетарскую литературу. Не знаю, какие будут у вас краски, какие слова, какие формы, но вы перерастёте нас». Прошли годы, и пророческие слова Бедного оправдались.

– Неоднократно присутствовал на уличных выступлениях Михаила Люгарина. – вспоминает Виктор Котлов. – На улице Пионерской часто проходили встречи литераторов с горожанами. В Люгарине тоже была интеллигентность, порядочность, но, в отличие от Ручьёва, он приучил себя быть интеллигентным, воспитал это в себе. Ручьёв внутренне был значительно сильнее, и это чувствовалось...

Михаил Люгарин так и остался в тени Ручьёва, считает Виктор Котлов. Борис Ручьёв благодаря авторитету и таланту сумел подняться на уровень страны, Люгарину это не удалось. Принять такое положение вещей человеку творческому трудно.

У Бориса Ручьёва была жёсткая полемика в центральной прессе с Евгением Евтушенко. Ручьёв отстаивал то государство, которое строил, и те принципы, в которые верил. Римма Дышаленкова вспоминала, что во время Всесоюзного съезда писателей была свидетелем жарких споров Ручьёва и других известных писателей и поэтов о предназначении литературы.

– Надо отдать должное Евтушенко, когда он выпустил книгу «Тысяча лучших стихотворений XX века», то включил туда стихотворение Ручьёва, – подчёркивает Виктор Котлов. – Это было своего рода признанием его таланта.

Борис Ручьёв ушёл из жизни в 1973 году, Михаил Люгарин пережил своего друга на двадцать лет. Большую часть жизни они провели вдаль друг от друга, но при этом жили одной дорогой, так и оставшись вечными друзьями-поэтами.

✍ Елена Брызгалова

Поэзия

✍ Борис Ручьёв

Стихи первому другу – Михаилу Люгарину

**Дружба – вместе,
а табачок – врозь.
Дедова пословица**

Ты о первой родине песню начинаешь,
и зовут той песней – крепче во сто крат – пашни да покосы,
да вся даль родная,
да озёр язевых зорняя икра,
да девчата в шалях, снежком припорошенных, озими колхозной ядрёные ростки...
И не бьётся в сердце ни одна горошина давней, доморощенной, избяной тоски.
...Ты о нашем городе песню запеваешь,
и зовётся в песне родиной второй,
нас с тобой на подвиг срочно вызывая,
до последней гайки наш Магнитострой.
Может, послабее, может, чуть покрепче, я пою о том же...
И – навеселе, как родня – в обнимку, на одном наречье ходят наши песни по своей земле.

Эта дружба затевалась не на случай, не на срок, шла по снегу и по пыли всех искоженных дорог. Вместе бросили деревню и отправились в отход, начинали вместе строить, строим, выстроим завод. На одной подушке спали, вместе пили «Зверобой», на работу выступали с красным флагом – будто в бой. Хлеб делили, соль делили, жизнь делили, как табак, и по графику носили разъединственный пиджак. Каждый праздник, как награду, получали от страны, то – рубахи из сатины, то – сукожные штаны. Только вспомни, как, бывало, первый вечер, первый год мы певали под гармошку без подсказок и без нот: «Ты, гармошка, – сине море, я – игрок на берегу... Лет семнадцати девчоночку себе поберегу...» А теперь, вздохнув глубоко, папиросу прикурив, я скажу тебе такое, что и прежде говорил: «Если ты её полюбишь либо дорог станешь ей, – отойду я от девчонки, первой радости моей. Смех забуду, всех забуду, тыщу раз вздохну на дню, на замок закрою сердце, – друга в сердце сохраню...» Только надо так договориться, в жар любви, в любую гололедь,

дружба не снежинка и не птица, что по ветру может улететь. Всё проверь, за правду не сержая, и запомни: в жизненном строю за твою походку отвечаю, как и ты ответишь за мою.

Я тебя ценю не за улыбку, что как солнце в середине дня, даже шаг, похожий на ошибку, отдаётся в сердце у меня. Зори меркнут, тучи ходят рядом, как свинец, становится вода... Может, я ругаюсь злей, чем надо, слишком хмурю брови иногда. Кривду всю покуда не порушив, вечной правде верная сполна, бьётся насмерть и за наши души, слава наша – Родина-страна. Может, не додружим, не достроим, может, завтра, может, через час выйдем мы с ровесниками строем, унося винтовки на плечах.

В бой, так в бой, на битву, а не в драку, жизнью на самом берегу, как шагнём мы в первую атаку, в первый раз ударим по врагу?.. Если же отступишь перед тучей, по руке ударишь в чёрный срок и уйдёшь, ничейный и колючий, перепутьями чужих дорог, – на минуту камнем станет нежность, ты иди, не думай обо мне... Встречу я тебя, товарищ, тем же, чем врага встречают на войне. И тогда-то – сердцем, а не речью всей России в мировом бою за твою походку я отвечу так же, как отвечу за свою.

А покамест друг у друга ты в долгу и я в долгу. Если в жизни станет туго, чем захочешь – помогу. Если я скажу сурово, вдруг обижу невзначай, ты найди суровой слово, той же дружбой отвечай. А сегодня утром ясным по уставу, в свой черёд, выступаем с флагом красным на великий фронт работ. Сердце просится наружу, не толчок даёт – скачок. Вместе – служба, вместе – дружба и матерый табачок.

1932

✍ Михаил Люгарин

На Магнитке

**Моим товарищам
Борису Ручьёву
и Валентину Сержантову**

Плескалась осень, Ливнями богата, Нежданно ветер рвал Листву берёз, По первым рельсам, – Хрипловатый, – К горе Магнитной Вёз нас паровоз. И мы приехали, А где он, город? В конторе чертежи, – А у горы бурьян. Сержантов тачку Стал возить с раствором, Ручьёв леса крепить,

А я – рыть котлован. Тянулись дни Как будто бы недели, Роняла осень Желтую парчу. Хотела в небе первые метели, С Магниткою Расстаться мы не смели, Хоть был нам труд Порой не по плечу. Хмелели от него. В поту – косоворотки, Лицо – в пыли. В висках стучала кровь. Но, словно золотые самородки, Мы находили строчки для стихов. Уральские дожди. Морозы. Бури. В них каждый день Романтика была! Она вплеталась В сети арматуры, На новый подвиг Нас вперед звала. Тогда навеки В красный флаг влюбились У новых котлованов И траншей. Гордились не собой – Трудом гордились На стройке Самых мирных батарей.

...Летят года, Летят неукрепимо. Ребята плавают Новую руду. Но наше счастье Не проходит мимо – Оно у всех Сегодня на виду!